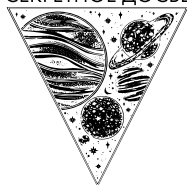

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

Цикл «Секретное досье. Мистические романы»

Тайна заброшенной деревни
Тишина старого кладбища
Хозяин гиблого места
Проклятие Пражской синагоги
Галерея последних портретов
Город мертвых отражений
Мечь Кровавого Жнеца
Город засыпает, просыпается мафия
Призраки белых ночей
Холод туманного замка
Дом безликих теней
Дорога несбывшихся снов
Иллюзии чистого холста

Цикл «Секретное досье. Новые страницы»

Сотканная из тумана
Чудовищ.net
Ненастоящие
Добровольно проклятые
Мертвым вход разрешен
Лукавый морок

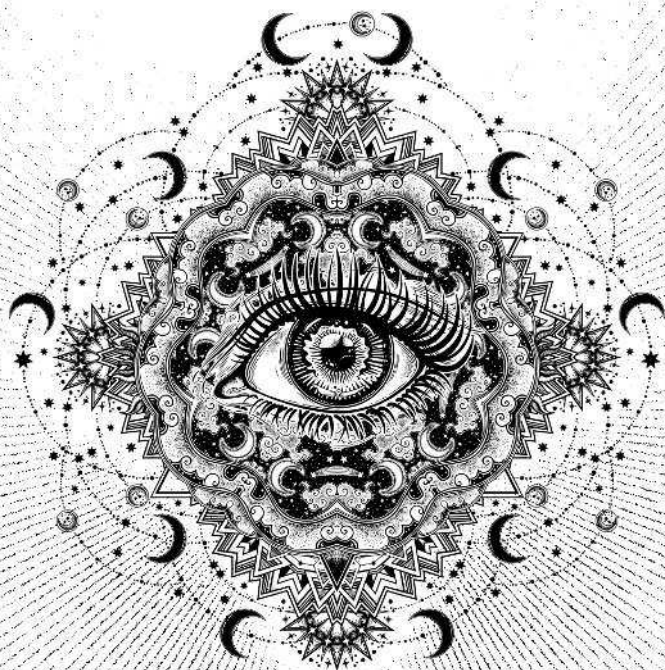
Цикл «Секретное досье. Икс-файлы»

Исчезающие в темноте
Исчезающие в темноте. Дар
Исчезающие в темноте. Кольцо бессмертной

Наталья Тимошенко

Лена Обухова

ЛУКАВЫЙ МОРОК

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на переплете *Ивана Иванова*

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41   Лукавый морок / Наталья Тимошенко, Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113637-6

Серия странных самоубийств вновь собирает команду ИИН. Расследование приводит их в загородный комплекс, где в одном из домов год назад погибли десять ничем не связанных людей. Известно лишь, что перед смертью они не спали несколько суток. Взявшись за дело, никто из команды не мог представить, что им тоже придется лишиться сна. Но так ли легко оставаться наедине со своими секретами и переживаниями круглые сутки и вести расследование? Команду ИИН ждут несколько тяжелых дней.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Обухова Л., Тимошенко Н., текст,
2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113637-6

Пролог

*28 октября 2016 г., 21.30
г. Москва*

К вечеру, уже после заката, поднялся сильный ветер, резко опустивший температуру и превративший прогулку в мучение, но Вика продолжала бродить по городу до тех пор, пока окончательно не выбилась из сил. Наверное, это был не лучший выбор: обилие свежего воздуха (насколько он может быть свежим на окраине Москвы) и физическая усталость обычно только провоцировали сонливое состояние, но так все равно было немножечко легче, чем сидеть в душной квартире, слоняясь из угла в угол. А ночью в любом случае будет нелегко. Но ничего, она прорвется.

Лифт громыхал, скрежетал и дергался, как припадочный, но Вика только последнюю пару дней обращала внимание на то, что это выглядит странно и страшно. Восприятие обострялось: раньше она едва осознавала тот факт, что ездит на лифте, и ей было все равно, как он работает. Теперь, пожалуй, она присоединится к инициативной группе жильцов, требующих от управляющей компании замены.

Остановившись на нужном этаже, кабина снова дернулась и, наконец, милостиво выпустила ее. Вика вошла в общий коридор, на ходу доставая ключи из

кармана куртки. Пальцы за время прогулки успели озябнуть (перчатки до первого снега она редко надевала), а потому плохо слушались. Связка ключей выпала, шлепнулась на пол с громким звоном. Вика чертыхнулась, наклоняясь за ней.

А когда выпрямилась, вздрогнула: у дверей соседней квартиры стояла пожилая соседка, которую она не заметила сразу. Женщина стояла лицом к двери, то ли дожидаясь, когда ей откроют, то ли вспоминая, куда дела ключи. Вике пришло в голову, что она очень давно не видела эту бабульку, даже, грешным делом, решила, что та померла. Ан нет, бежит еще.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась Вика, гремя ключами и выбирая нужный.

Старушка медленно и как будто удивленно обернулась к ней.

— Добрый вечер... — прошелестела едва слышно и немного неуверенно, как будто не узнавала.

Она выглядела растерянной, дезориентированной, и Вика в последний момент придержала собственную, уже открывшуюся дверь.

— У вас все в порядке? Помощь не нужна?

Соседка покачала головой и снова повернулась к своей двери. Нет, она определенно выглядела странно, но Вика решила удовлетвориться ее ответом. Гуру сказал: «Никогда и никому не навязывайте свою помощь, подождите, пока вас о ней попросят». Вике эта мысль понравилась. Если что, она спросила, ей ответили. Вопрос закрыт.

Уже запирая дверь за собой, она вдруг подумала, что присказка «если что» звучит довольно странно

и даже немного нелепо. Что «если что»? Чем больше думаешь об этом, тем щекотнее становится в мозгу. Как перышком по носу водить.

Подивившись этой странной ассоциации, Вика отбросила посторонние мысли в сторону, прошла в гостиную и включила стереосистему. Дрогнули мембраны колонок, по квартире разнесся тяжелый рок. Или металл. Или что-то еще: Вика не особо разбиралась в нюансах музыкальных направлений. Сейчас ей было важно, чтобы музыка звучала громко и раздражала.

Не спать!

Все тело ломило, тянуло прилечь, но она отправилась в ванную и встала под душ. Сначала мало-душно включила горячий, чтобы согреться после прогулки, но постепенно выкрутила ручки смесителя так, чтобы вода стала бодряще-прохладной.

Снова замерзнув, выбралась из ванной. Когда шум воды стих, стало слышно все еще громящую музыку. Вика приоткрыла дверь, чтобы звук доходил лучше, и даже принялась немного пританцовывать.

Резкий грохот — не относящийся к музыке — раздался так неожиданно, что она выронила полотенце, которым вытиралась. Сердце, чутко реагирующее на любой раздражитель, моментально ускорило.

Грохот повторился, и на этот раз стало очевидно, что кто-то из соседей долбит в стену. Музыка им, что ли, не нравится?

Вика поспешно закончила вытираться и натянула одежду. Когда она добралась до комнаты, в стену застучали в третий раз.

— Да ладно, ладно! — раздраженно крикнула Вика в ответ, выключая стереосистему.

Бросила быстрый взгляд на часы: стрелки еще не доползли до одиннадцати, а завтра вообще суббота! Она вполне могла бы еще немного пошуметь, но не стала. Ей показалось, что стучали именно в ту стену, за которой жила старушка. Ничего себе сила: так долбить...

Вика взъерошила мокрые волосы и пошла на кухню, растирая саднящие глаза. Нет-нет, не спать! Ни в коем случае... Проходя мимо зеркала в полный рост, висевшего на стене в прихожей, она притормозила, глядя на свое отражение.

Как странно: она ведь смотрела на себя в зеркало каждый день на протяжении тридцати семи лет (ну ладно, чуть меньше: в раннем детстве не смотрела), а теперь совсем себя не узнает. Как будто сквозь знакомые черты проступает что-то новое и одновременно — чужое.

Или просто она теперь замечает то, чего не видела раньше? Это... пугало.

Вика стиснула зубы и взяла с тумбочки мобильник, направила глазок камеры на отражение и, стараясь смотреть своему двойнику в глаза, сделала фото. Селфи, как принято теперь называть. Проверив результат, сунула телефон в задний карман джинсов и продолжила путь на кухню — варить большую порцию очень крепкого кофе.

Молотого, конечно, не оказалось, и, снова тихо выругавшись, Вика принялась насыпать зерна в кофемолку. Они рассыпались, когда из-за очередного

громкого стука — последовательности из трех ударов, как и прежде, — рука дрогнула.

— Теперь-то чего? — крикнула Вика раздраженно, возведя глаза к потолку.

Может быть, это изначально не ей стучали, а просто кто-то из соседей на ночь глядя затеял какие-то работы? Вот только что можно делать с такой периодичностью: по три удара раз в несколько минут?

А может быть, такие звуки и шумы тоже были всегда, но раньше она их не замечала? Она столько всего не замечала, пока жила не одна... Раньше все было иначе: почти всегда работал телевизор, который отвлекал и словно пеленой прикрывал другие звуки. Надо бы его включить и посмотреть.

Вика так и сделала, как только сварился кофе. Накидав на тарелку еды, она отправилась в комнату и устроилась на диване. Долго щелкала пультом, меняя каналы. Вот парадокс: каналов стало столько, что она даже не помнит их точное количество и половину названий, а смотреть все равно нечего. На втором круге выбор пал на какое-то бодрое иностранное кино: там ярко светило солнце, играла музыка, веселились молодые люди. Что-то подсказывало, что кончат они плохо, но на какое-то время точно отвлекут.

Кофе был горячим и терпким, но уже не таким вкусным, как пару дней назад. Фильм мелькал перед глазами яркими картинками, но совершенно не цеплял сознание. В какой-то момент Вика поймала себя на мысли, что окончательно перестала понимать, что происходит на экране, а потом вдруг осознала, что у нее закрыты глаза.

Она дернулась так резко, что лежавшая на коленях тарелка — к счастью, уже пустая, — упала на пол, гроыхнув, а стоявшая на ней чашка попыталась покатиться, но быстро зацепилась ручкой.

Сердце испуганно заколотилось, адреналин выплеснулся в кровь, а Вика подскочила на ноги и хлопала ладонями по щекам, сбрасывая остатки сонливости.

Она уснула? Не может быть, чтобы она уснула! По телевизору шла реклама, и было непонятно, много ли из фильма Вика пропустила. Да она все равно не поймет: совсем не вникала в сюжет.

Нет, не могла она надолго уснуть, наверняка просто прикрыла глаза дольше, чем следовало, может быть, слегка задремала. Слегка! Это не считается, наверняка не считается...

Снова послышался раздраженный стук, но на этот раз он прозвучал совсем иначе. Наверное, теперь возмущаются соседи снизу: за упавшие тарелку и чашку. Бьют по батареям, потому звук идет от зашторенного окна.

Вика наклонилась за посудой и отнесла ее на кухню, на этот раз почему-то стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале в прихожей. Только когда она ставила тарелку и чашку в раковину к стопке другой грязной посуды, ей вдруг пришло в голову, что звук не был похож на стук по батареям. Скорее, на стук по стеклу.

Она нахмурилась и медленно вернулась в гостиную, напряженно поглядывая на плотные шторы. Стук повторился, и теперь Вика уже не сомневалась, что стучат костяшками пальцев о стекло.

Но кто может стучать в окно квартиры на восемнадцатом этаже? Балкона здесь нет, для промышленных альпинистов, которых на ее доме отродясь никто не видел, в любом случае слишком поздно и темно.

«Птица, — решила Вика. — Это должна быть птица».

С этой мыслью она смело подошла к окну и резко раздернула шторы, потому что страхам нельзя позволять пускать корни в сознание.

Не помогло. Едва выглянув на улицу, Вика громко заорала и шарахнулась назад. За окном не было птицы, зато в воздухе болталось страшное лицо, практически чудовищная морда с горящими, как красные угольки в костре, глазами. Монстр скалил зубы (или просто не имел губ, которые прикрывали бы клыки) и тихо рычал. Это было слышно даже сквозь тройной стеклопакет.

Крик Вики быстро оборвался: в легких кончился воздух, а горло сдавило с такой силой, что сделать вдох никак не получалось. А *оно* снова постучалось, просясь войти. Вика попятилась назад, ударилась спиной о дверной косяк и с трудом заставила себя выйти из гостиной: горящие алым глаза не хотели отпускать.

На кухне она быстро опустила жалюзи и снова принялась загружать кофеварку, дрожа всем телом и просыпая молотый кофе на пол.

Так не должно быть! Это похоже на кошмар, но она ведь не спит!

На обеденном столе валялись наушники-затычки со спутанным проводом. Вика схватила их, с трудом

и ругательствами распутала и вставила в уши, на телефоне включила бодрую музыку. Вот так: и соседям не мешает, и сама не уснет.

На этот раз не стала разбавлять кофе молоком, насыпала только две ложки сахара и немного «зависла», выбирая место за столом. Садиться лицом к окну не хотелось, спиной — тем более. Компромиссным вариантом оказалось сесть боком.

Рука, подносящая чашку ко рту, все еще немного дрожала, нос шмыгал, глаза щипали слезы. В ушах гроыхала музыка и орал, надрываясь, сиповатый певец. Но когда композиция кончилась, а следующая еще не успела начаться, сквозь наушники снова прорвался приглушенный стук в окно. На этот раз наверняка кухонное: из гостиной просто не было бы слышно.

Вика закрыла глаза и до боли прикусила губу, чувствуя, как по щекам потекли слезы. Но голову в сторону окна так и не повернула.

Глава 1

*29 октября 2016 г., 10.06
г. Москва*

Уже чуть больше года жизнь Владимира Дементьева складывалась так, что он постоянно переезжал с места на место, часто не высыпался, а потому порой по утрам тратил почти целую минуту на то, чтобы сообразить, где он на этот раз и почему тут находится. Проблем с определением своего местоположения не возникало разве что дома — там все было слишком знакомо — и здесь. То ли невероятно удобный матрас делал это место для него таким узнаваемым, то ли едва уловимый запах женщины, живущей в этом доме.

Так или иначе, а когда настойчивая вибрация оставленного на прикроватной тумбочке смартфона все-таки вырвала его из объятий сна, Дементьев сразу сориентировался, где находится и что тут делает. Тем страннее оказалось услышать в трубке голос шефа: тот, конечно, никогда не брезговал звонками субботним утром, но буквально накануне обещал ему спокойный уик-энд.

— Володя, ты же в Москве? — без особых предисловий и расшаркиваний поинтересовался Войтех Дворжак, по привычке слегка растягивая гласные на чешский манер.

— Угу, — сонно промычал Дементьев, не открывая глаз. Он понятия не имел, который час, потому что на звонок ответил исключительно на ощупь. Ему самому казалось, что еще безбожно рано, но он уснул очень поздно.

— Мне жаль, но придется нарушить твои планы. Тут кое-что возникло. Экстренное. Команда уже собирается выезжать, но им нужно время, чтобы добраться, поэтому тебе придется начать без них.

Сонливость моментально слетела. Дементьев перевернулся на спину и открыл глаза, уставившись в белый потолок недовольным взглядом, как будто тот был виноват в таком неуместном утреннем звонке шефа.

— Дворжак, мы же вчера договорились! Я ведь не прошу много, всего лишь одни спокойные выходные без авральных срывов ради очередной пустышки или конца света. Всего. Одни. Выходные. Это так трудно? Я же не прошу внеочередной отпуск!

— Еще бы, — холодно обронил Войтех, ничуть не проникнувшись этой тирадой. — Внеочередной отпуск ты уже брал. И я тебя в него отпустил, между прочим. И не срывал тебя ни на какие расследования.

Дементьев поморщился. Тут любимый шеф, конечно, был прав, нечем крыть. Когда в июле у него внезапно завязались отношения с Ольгой и та ни с того ни с сего предложила поехать вместе отдохнуть к морю, Войтех вошел в его положение и продлил отпуск, хотя тот уже подходил к концу. И потом отпускал еще дважды примерно с той же целью, хотя обычно таким количеством свободных

дней никто в их Институте Исследования Необъяснимого похвастаться не мог. Правда, в то время сам Войтех еще находился в весьма гармоничных, можно сказать, выстраданных отношениях и стремился осчастливить аналогичным образом всех вокруг. Дементьеву же до недавнего времени с женщинами категорически не везло.

Он подивился тому, как резко все изменилось: теперь Войтех ходит с лицом человека, обреченного на скорую смерть, и без конца ворчит по поводу и без, а у него вполне здоровые отношения с постоянной женщиной. Ну насчет «здоровых» он, вероятно, загнул: не с его работой и не с характером Ольги говорить о подобном здоровье. Но зато отношения у них получились действительно достаточно гармоничные: она всегда рада его визитам, но не выносит долгого присутствия в своей жизни, а он и не может оставаться надолго, поскольку постоянно мотается с расследованиями по стране.

— Я бы не стал тебя дергать, — продолжил тем временем Войтех, — Долгов прекрасно справляется с обязанностями старшего следователя. Но дело срочное, а только ты уже на месте и можешь начать. Речь идет о жизни и смерти, поэтому мне не хотелось бы терять время.

Дементьев обреченно вздохнул, прикрывая глаза и мысленно хороня все свои планы.

— Как всегда. Ладно, чего уж там... Жги, Войтех Ладиславович. Кого спасаем на этот раз?

Еще с минуту он молча слушал краткую вводную информацию, стараясь не провалиться обрат-